

Любовь к жизни

Автор:

Мария Метлицкая

Любовь к жизни

Мария Метлицкая

Каждый день на Патриарших появляется аккуратная старушка. О таких говорят – со следами былой красоты. Благообразная, в потертой шубке, с подкрашенными губами. Она кормит голубей, сидя на скамейке, и этот ритуал повторяется изо дня в день.

Старушка любит жизнь и себя. Потому что больше ее любить некому...

Мария Метлицкая

Любовь к жизни

Плотная, коричневато-бежевая, чуть размытая временем фотография: Томочка в Крыму, в Коктебеле. У пенящейся кромки воды, на крупных, сглаженных временем камнях. Стройные ножки чуть согнуты в коленях, носки вытянуты, плечи развернуты, изящно выгнулась, оперлась на ладони, голова в белой панамке кокетливо откинута назад. Панамка надвинута низко – видимо, по моде тех лет. Чуть прикрытые глаза, славный вздернутый носик и пухлые губы – это уж совсем не по моде тех лет, но что есть, то есть.

Внизу вязью надпись – «Крым, Коктебель, 1933 г.». На оборотной стороне размашистым почерком от руки: «Томная Тома». Остроумно. И по делу. И правда томная. К тому же каламбур. Автор неизвестен. Но предполагаем. Тогда, в 33-м, в самом разгаре был роман с Руководителем – так его обозначила сама Томочка.

Правда, тогда же, параллельно, но все же боком, присутствовали и Художник, и Дантист. Нет-нет, Дантист был все же позже. Точно позже. Значительно. В Руководителя она была почти влюблена. Хотя насчет «влюблена» она слегка сомневалась, а вот «физическое притяжение» – ее формулировка – определенно имелось.

Спокойный, внушительный, уравновешенный Руководитель, привыкший, судя по всему, держать себя в рамках повсеместно, в близости был необуздан, напорист, несдержан и почти яростен. Томочка вздрагивала, трепетала, пугалась, терялась, но в конечном счете чувствовала в этом искренность и истинность и вскоре активно включилась в эту игру. Впрочем, это была не игра.

Закованный в пудовые гири по рукам и ногам эпохой, своей властью, высоким положением и четко обозначенной ролью, этот суровый сорокалетний неглупый человек понимал все и вся и оттого боялся всего и вся. «Застегнутый на все пуговицы» на службе, несущий на себе непомерный, нечеловеческий груз ответственности, не расслабляющийся даже дома, в кругу семьи – верной жены и двух дочерей-близняшек, с Томочкой, единственно с ней, на ее узком диванчике с высокой спинкой и полочкой над спинкой, где дружно, гуськом, стояли мраморные слоники (старший с отбитым хоботом, младший – без одного уха), только там, в ее узкой, как пенал, и темноватой комнатке, при плотно зашторенных окнах и слабом, желтоватом свете ночника, он наконец-то становился самим собой.

Она пленяла его спокойным нравом, тихим голосом – мягким и певучим, с утраченным «л», который звучал у нее как мягкий польский «в», шелковистой, без единой помарки, кожей, полным отсутствием какой-либо растительности на руках и ногах, нежными, словно детскими, пятками, тонкими щиколотками и запястьями, трогательной хрупкой шеей, запахом ландыша в яремной ямке, прелестным нежным лицом, темными, почти без зрачков, глазами, вздернутым самую малость коротким, четким изящным носом – словом, всем-всем, от начала и до конца, сверху донизу со всеми подробными остановками, эта молодая женщина была прелестна, нежна, хрупка, чувственна, открыта и восхитительна. Умна ли? Да какая разница, при всех вышперечисленных достоинствах? Не болтлива и сдержанна – вполне хватит. А как умилительно и трогательно она сводит тонкие, выщипанные в нитку, по моде, брови! Видимо, это означает работу мысли. Чуть-чуть, слегка она покусывает полные, мягкие губы, чуть вздрагивает круглый, нежный подбородок, вспыхивают и гаснут глаза. Нежные пальцы вращают узкое колечко с синим тусклым камушком и обнимают тонкими

руками круглые колени. Ничего не требует и не просит – никогда. Но конечно же, конечно, как всякая истинная женщина, радуется подаркам. Накидывает на хрупкие плечи шаль, гладит нежный маслянистый мех котикового манто: раз, два – по шерсти и против. Вытягивает прелестную ногу, зашнуровывая ботиночек, и поворачивает носок – влево и вправо. И все это так поразительно, невозможно отличает ее от жены! Боже мой! Как с этим жить, как смириться, что она – только один раз в неделю, ну, максимум – два, но это редко. А все остальное время – жизнь без нее, без ее запаха, голоса, нежного, тихого шепота. Без ее узкой, темной комнаты, где единственно счастлив он и где он настоящий, живой.

А дома его ждет жена, молчаливая, с узким сухим лицом, длинным хрящеватым носом, в байковом халате неопределенного цвета и вязаных носках на тощих, сухих ногах. И две девочки-близняшки, лицом в мать: такие же молчаливые и угрюмые, всегда глядящие на него со страхом, тревогой, исподлобья. Этот нелепый союз проигран изначально, но вполне объясним – брак с родной сестрой друга детства, теперь крупного партийного деятеля.

Глупо, по-мальчишески, напившись однажды в их доме, заснул почти в беспмятстве на жесткой кушетке в библиотеке, а утром рядом обнаружилась она – «прекрасная Сильфида». Продрав глаза, он с испугом и даже ужасом увидел на подушке ее лицо и спросонок ничего не понял, решил, что рядом спит какой-то мужик. Конечно, он не подумал о содомском грехе, а мелькнула мысль об еще одном сильно перебравшем соратнике. А когда дошло, что это сестра его шефа, змейкой пробежала мысль – подложили. Ловко обтяпали. Ей, уж конечно, давно пора замуж, а здесь такая оказия. Тут дверь в библиотеку распахнулась, и в комнату зашел, собственно, сам братец, почти прослезился и обнял его по-свойски, по-родственному. Через две недели сыграли свадьбу. А через два месяца он получил пост директора крупнейшего шарикоподшипникового завода. Дальше – больше: квартира в Доме на набережной, служебная дача в Барвихе. Через два года родились дочери. Дядька, будучи бездетным, племянниц обожал. Все. Мышеловка захлопнулась.

А потом он встретил Томочку. Она сидела в кадрах на его заводе. Судьба добавила акварели в его серую, скучную жизнь.

С женой интимная жизнь, прежде и без того редкая, естественно, закончилась. Но он был потрясен и поражен, когда на одном из семейных праздников шурин по-отечески похлопал его по плечу, понимающе подморгал и по-дружески

попросил все же сестру не обижать. «Делай свои дела тихо. Тихохонько. Внял?» Тогда, в 33-м, при всей строжайшей конспирации, они все-таки урвали свои три дня – у него случилась командировка, а она уже отдыхала в Крыму, где они, собственно, и встретились. Там, в душной, маленькой мазанке с грязноватой марлей на окне, на пружинном скрипучем матрасе, они забыли о всякой предосторожности.

А спустя месяц беременная Томочка, не боясь соседей, в голос рыдала в своей комнате, забившись с ногами в угол черного кожаного дивана. Он долго молчал, курил одну папиросу за другой, а она вскакивала и судорожно дергала ручку форточки. Потом у нее начинался нервный приступ: несдерживаемая икота, на лбу и щеках вспыхивали яркие, неровные, красные пятна. Он неловко пристраивался на край скользкого дивана, пытаясь поймать ее руки, погладить по голове, прижать к груди, но она была агрессивна и враждебна. В его адрес летели оскорбления и угрозы, претензии и, наконец, шантаж.

Она сначала кричала, что избавится от этого выродка, потом – что не будет вредить себе и делать подпольный аборт у полуграмотной, неряшливой деревенской бабки-знахарки. Вспоминала какую-то подругу, которая скончалась от кровотечения после подобного визита.

– Я своей жизнью рисковать не собираюсь. Я слишком люблю ее, жизнь, – зловещим шепотом предупреждала она, подойдя к нему почти вплотную, и глаза ее были безумны. Потом она садилась на стул, хватала его папиросу, закуривала, закинув ногу на ногу, начинала хохотать, а через несколько минут у нее открывалась рвота, и она, не двигаясь с места, отпихивала рукой битый эмалированный таз, который он пытался ей подставить. Он судорожно хватал тряпку и собирал исторгавшееся из нее – с пола, стула, стола. Потом пытался напоить ее водой – она с силой отталкивала его руку. Пытался снять с нее загаженный халат – она вырывалась и царапала его. Наконец она теряла силы, и он относил ее на руках на диван, укрывал одеялом, гасил ночник и долго, стоя у окна, курил в приоткрытую форточку. Он понимал – да, это истерика, да, скорее всего, манипуляции, – и все же, когда он вспоминал ее угрозы, становилось холодно на сердце и по спине текла холодная струйка липкого пота.

Первое свое обещание Томочка выполнила – в деревню к знахарке не поехала. Вскоре, поняв, что истерики ее не возымели действия – а действие ей нужно было только одно: немедленный развод и, естественно, регистрация брака, – в ее голове созрел план. Да, ребенка она донашивает и рождает, а после

отказывается от него. Этот выход казался ей наименее травматичным. Все восемь месяцев Руководитель по-прежнему приезжал к ней, привозил продукты, пытался образумить, донести до нее наконец, что развод его невозможен, подобные вещи не приветствуются, да и шурин не успокоится – понятно. Он объяснял ей, что квартиру все равно оставит за женой и девочками, что из партии его, будьте уверены, попросят, с поста сместят.

– А нужен ли я тебе такой? – наконец сообразил спросить он.

Томочка внимательно посмотрела на него и вдруг, рассмеявшись, помотала изящной головкой в крупных темных кудрях:

– Нет, не нужен. За такого я могла бы выйти и раньше.

Он с облегчением вздохнул.

Но и второе обещание Томочка тоже сдержала. Родив (легко, кстати, и очень быстро) в роддоме на Арбате крупную, глазастую и вполне здоровую девочку, она отказалась от нее на второй день, не пожелав ни посмотреть на малышку, ни приложить ее к груди.

Не помогли уговоры ни сестер, ни нянечек, ни врачей. Товарки по палате перестали с ней общаться. Пришел даже главный врач – крупный, лысый, громогласный, хромой, с массивной тростью в руке. Он внимательно посмотрел на Томочку, задал ей пару вопросов, а потом, опираясь на трость, вышел из палаты и бросил одно слово: «Бесполезно».

Девочку оформили в Дом младенца. Томочка выписалась через пять дней, уточнив у палатной врачихи, все ли в порядке с ее здоровьем. Да, и еще, как справиться с молоком, чтобы не загубить свою молодую и прекрасную грудь. Пожилая врачиха долго молчала, тяжело вздыхала, потом ответила на все вопросы и попросила освободить кабинет.

А Томочка и не думала задерживаться. Еще чего! Ее беспокоило теперь, что на пластмассовой гребенке остается много волос – Господи, целый пук! – и что от верхнего, правого, белоснежного жемчужного клыка откололся кусочек, она пробовала постоянно языком неровный, острый его край. Еще появился омерзительный синеватый рубец на бедре – это называлось растяжкой. В общем,

без потерь не обошлось, расстраивалась она. Но грудь и талия, слава богу, на месте.

Когда ее любовник или, скорее всего, уже бывший любовник вечером заехал к ней, она холодно и спокойно сказала ему про девочку. Он, впрочем, уже был в курсе. Посмотрев на нее долгим и внимательным взглядом, словно пытаясь что-то понять и прочесть на ее хорошеньком, спокойном и бесстрастном лице, он тяжело вздохнул и сказал фразу, которая очень развеселила Томочку:

– Бог тебе судья.

Она рассмеялась и поинтересовалась, давно ли он, член партии с 20-го года, верит в Бога. Он не ответил и, резко развернувшись, вышел из комнаты.

Спустя месяц он оформил бумаги на удочерение и забрал девочку из Дома младенца. Его сухая и молчаливая жена тихо спросила только об одном – она хотела знать правду. Разговор был нелегкий, но он ничего не скрыл. Она слушала его молча, не задавая вопросов. За окном светало. Потом жена сказала:

– Пойдем спать, тебе ведь завтра рано вставать, – и, помолчав, добавила: – Впрочем, уже сегодня. – А потом, уже почти в дверях, обернувшись, сказала: – Да и у меня завтра хлопотный день. Нужно же подготовиться к выписке девочки – одеяльца, пеленки, ой, да, а кроватка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/lyubov-k-zhizni>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)